

XV 63  
XVII

Государственный  
издательский центр  
СНХ РСФСР  
Москва  
В. И. Ленин

# МУРЗИЛКА

№ 8 Журнал ЦК ВЛКСМ АВГУСТ  
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ 1954





ГЛАВНЫЙ ПАВИЛЬОН ВСХВ



Государственная  
Библиотека  
СССР  
им. В. И. Ленина

П-55-1323

# ИЛЬГАР

ГУСЕЙН АББАСЗАДЕ

Рис. В. ЩЕГЛОВА

Хоть куда погода хороша!  
Первая неделя минет вскоре,  
Как семья Ильгара-малыша  
Выехала к дедушке на взморье.

Наш Ильгар от моря не вдали.  
Из дощечек строит он домишки,  
На песке рисует корабли,  
Виденные на картинке в книжке.

То венок сплетёт он из цветов,  
То в хозяйстве дедушке поможет...  
Дед на всё для малого готов,  
Надышаться на него не может.

Старый мастер много повидал,  
Но ему с ребёнком интересно.  
Если подружались стар и мал —  
Значит, крепко! Это всем известно.

\* \* \*

Наступила сильная жара,  
И песок зернистый раскалился...  
Вместе с дедом выйдя со двора,  
На берег морской Ильгар спустился.

Плоский этот берег так хорош!  
Маленьких ракушек громкий шорох...  
Смех повсюду, слов не разберёшь  
В детской беготне и шумных спорах.

Весело, приятно и легко,  
Но Ильгар остался возле деда...  
— Что там видно, в море далеко?  
Что это? —

И началась беседа...

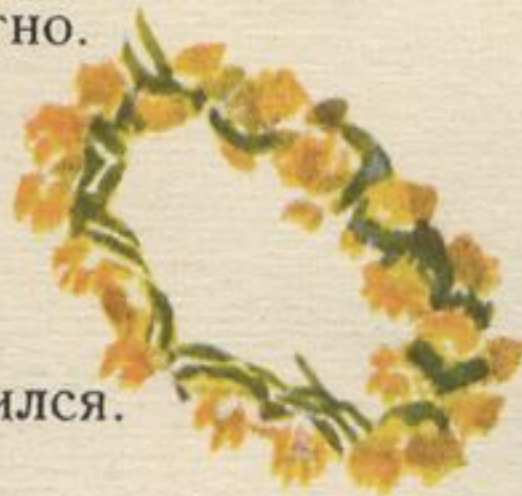
— Лестница средь моря почему?  
Кто её воткнул неосторожно? —  
Странно это кажется ему: —  
Лестница средь моря... Разве можно?

Так он всё расспрашивал вчера,  
Часты ведь у маленьких ошибки!..  
Старый мастер, дедушка Кара  
Мальчику ответил без улыбки:

— Нет, это не лестница, дитя!  
Это буровая. Не напрасно  
Делали её и не шутя, —  
Строить было трудно и опасно!

Храбрыми рабочими людьми  
Выстроена эта буровая, —  
Люди наши трудятся, пойми,  
Нефть со дна морского добывая!

Всюду: на полях и в недрах гор,  
Средь холмов и на степном просторе,  
Нефть мы добывали с давних пор...  
А совсем с недавних — даже в море!..



Тихо слушал мастера малыш  
И взглянул на вышку эту снова, —  
Ведь на всё по-новому глядишь,  
Что объяснено тебе толково!



Кто такой наш дедушка Кара?  
Много лет на нефти он трудился,  
Много лет трудом своим гордился...  
Отдыхать пришла теперь пора.

Много-много пробурил он скважин  
На холмах над Каспием родным...  
Всеми уважаем он и важен,  
Все теперь советуются с ним.

Радуюсь почёту и наградам,  
На покое, всем доволен дед.  
Пенсию ему приносят на дом...  
Так и отдыхать бы много лет!

Но дремать — на деда не похоже!  
Книгу пишет уж не первый год:  
От души Кара передаёт  
Опыт свой рабочей молодёжи.

\* \* \*

В море искупавшись, внук и дед,  
Стар и мал, пошли садами к дому;  
Вкусен показался им обед, —  
Как же честь не оказать такому?

Как такой чурек не похвалить,  
Испечённый бабкою в тендыре?  
Сонный встал из-за стола малыш,  
Кажется, уж всем доволен в мире!

Вышел на веранду и прилёг  
На тахте, прижался, как зайчонок...  
Что же задремать он всё не мог,  
Всё глядел на дерево спросонок?

На листву узорную глядел,  
На чуть-чуть качавшиеся ветви.  
«Почему у взрослых столько дел? —  
Думал он о дедушкиной нефти. —

Для чего нужна она? Зачем?  
На горах и на равнинах — всюду  
Ищут нефть. Пусть деду надоем,  
Всё равно расспрашивать я буду!»

Вот и вечер опустился, вей  
Свежестью. И ветер, не пыля,  
Стал баюкать песенкой своею  
Ветви груш, айвы и миндаля...

Поливать ухоженные гряды  
Вышел в огород Уста Кара.



Снова отводить канавки надо  
К новым грядкам — их поить пора.  
— Дедушка! — Старик остановился.  
— Я, дружок! Сюда скорей иди!  
Что так поздно в огород спустился?  
— Бабушку просил я: разбуди!  
Не будила...  
— Ну, давай трудиться!

До захода солнца дед и внук  
Весело взялись, как говорится,  
Хлопотать не покладая рук.  
Но Ильгар, пустив на грядки воду,  
Вспомнил вдруг:  
— Нефть тоже как вода!  
Почему же течь по огороду  
Ей не позволяют никогда?

Засмеялся дедушка сначала,  
А потом задумался:  
— Дружок!  
В этакое воде огня немало,  
Если б вспыхнул, все бы травы сжёл.  
Нефть, дитя, богата скрытым жаром,  
С ней ты не шути и не шали:  
Масляниста, тяжела не даром:  
Это не вода, а кровь земли!

— Кровь?! — спросил Ильгар. — Она живая?  
— Нет, но так назвал её народ.  
Потому что эта нефть, сгорая,  
Движет всё и жизнь всему даёт!

Нефть электростанции питает.  
Сила нефти — это жизнь машин.



УДОБРЕНИЕ



МАШИННОЕ МАСЛО

Самолёты в воздухе летают,  
Если только в баках есть бензин!

Трактора на всех земных просторах,  
В море — теплоходы, катера,  
Все автомобили для моторов  
Просят нефти! — так сказал Кара.

\* \* \*

Не видать уж грядок в огороде,  
На сады спустилась темнота:  
Стало всё таинственным в природе,  
Чёрными все яркие цвета.

Бабушка пришла... Конец рассказу!  
Звать домой у старой на уме.  
Но сады вдруг осветились сразу  
«Лампочками Ильича» во тьме!

На верандах, в домиках соседей  
Радостные песни, шум и смех...  
Только малышам примкнуть к беседе  
Не дают, — в кровати гонят всех.

— Ах, как поздно! Ты устал, мой  
сладкий...

Сыро уж, головка заболит... —  
Так старушка Ясемен к кровати  
Повела Ильгара: пусть он спит.

Наш Ильгар послушался старушки,  
Лёг. А на уме — один вопрос...  
Показались скучными подушки,  
Скучной ночь. Ильгару не спалось.

Подождал... Вот зашуршало платье.  
Бабушка ушла, решив: «Заснул».  
Потихоньку слез тогда с кровати...  
«Ох, чуть-чуть не зацепил за стул...

Ничего!..» Пробрался к задней двери  
И к замочной скважине приник:  
Дедушка читает. Он поверит,  
Что и мне не спится ни на миг.

Тут исполнил внук свою затею, —  
Тихо-тихо шёл сквозь полутьму...  
Крепко деда обхватив за шею,  
На колени он вскочил к нему.

Дед, читавший книгу, удивился,  
Нападенья он не ожидал.  
— Милый мальчик, ты зачем явился?  
Что не спишь?  
— А ты-то?  
— Я читал!  
— Ах, читал? И мне читать охота,  
Только не умею...  
— Ляг опять!  
— Дедушка, спросить хочу я что-то,  
Знать хочу! Ответишь — буду спать.

— Ну, спроси! И, чтоб наказан не был,  
Поскорей... Где твой вопрос?  
— А вот:  
Чтобы нефть забрать с собою в небо,  
Как садится в море самолёт?  
В море-то ведь только буровая,  
Ни площадки нет, ни островка.  
Как же, нефть с бензином забирая,  
Он сидит, и снова в облака?

— Эх, так вот бессонницы причина!  
Ты не понял... Виноват я сам.  
Я сказал, что силою бензина  
Самолёт взлетает к небесам.  
Это так. Но нефть в земле и в море —  
Не бензин: она ещё сырьё.



Нужен труд, какой — узнаешь вскоре,  
Чтобы взять все силы из неё.  
Ведь бензин, и все сорта горючих,  
И мазут, и разные масла  
На заводах делают могучих  
Для машин, которым нет числа!



А Л М А З

Нефть нельзя ведь наливать в машины,  
На колёса лить её нельзя, —  
Чёрной нефти путь назначен длинный  
С промыслов... Сгореть должна не вся.  
На заводы нефть везут оттуда,  
Чтобы очищать, перегонять...  
Сколько в ней секретов — просто чудо,  
Ты ещё не можешь их понять.  
Только знай: горючее и смазка,  
Даже удобренье для садов,  
А затем, — поверь, это не сказка, —  
Ароматы нежные духов:  
Всех цветов душистей и прелестней  
В нефти есть эфирные масла...  
Да, про нефть не зря поётся в песне:  
«Апшерону счастье принесла!»  
И стекло небьющееся тоже  
Делают из нефти! И алмаз...  
И лекарство, например, для кожи,  
Даже для желудка и для глаз!  
Нет, дружок, всего не перечислить...  
Всех сокровищ наша нефть ценней.  
Сила — нефть! Попробуй поразмыслить,  
Как страна могущественна с ней.  
Понял всё? Теперь иди, мой милый,  
Мирно спи. Ведь это всё — твоё.  
Наш народ владеет этой силой,  
Ты и я — хозяйева её!

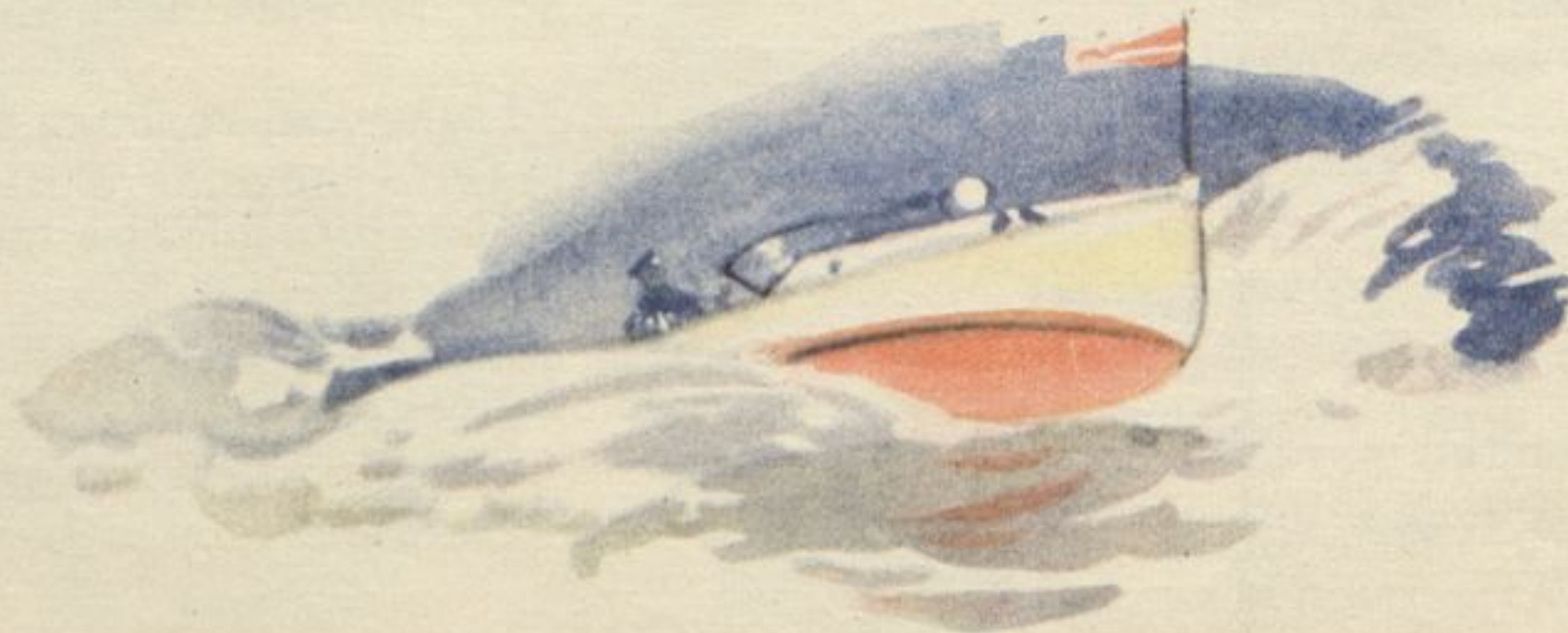


Д У Х И

\* \* \*

Под цветастым, пёстрым одеялом  
Спит Ильгар... И в комнате темно...  
О богатстве собственном немало —  
Сны о нефти смотрит, как в кино.

Перевела с азербайджанского А. Адалис



# Хитрый Митрий



АНДРЕЙ ШМАНКЕВИЧ

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Был у меня в Хабаровске приятель Митя Иванов. Ему шёл всего тринадцатый год, мне перевалило за тридцать пять, но дружба у нас была крепкая. Сошлись мы на том, что оба были страстными любителями-рыболовами. В субботу Митя червей копал, я снасти налаживал, а в воскресенье, чуть свет, сиделись мы в лодку и отправлялись на Амур.

Со мной Митя никогда и ни в чём не хитрил, а ребята почему-то называли его хитрым Митрием. Он на это не обижался, и я всё не мог понять: почему у него такое прозвище? Но как-то на рыбалке я это понял.

В одно из воскресений выбрал я подходящее местечко. Расположились мы, и сразу же стало у меня клевать. И часа не прошло, как наловил я полведра разной мелочи, а потом и сомёнка выудил. У Мити на этот раз дело не ладилось. Ловил он невнимательно, за поплавком почти не следил, к чему-то всё прислушивался. Я даже ворчать на него стал:

— Если так будешь ловить, с пустым ведром домой уедешь.

А когда вытащил сомёнка, даже посмеялся над ним.

— Видал, — говорю, — какой красавец? Ловить надо уметь...



Однако это его ничуть не задело. Он продолжал прислушиваться к чему-то. И я прислушался. Ничего особенного не услышал, просто за кустами паслись, наверное, свиньи и громко чавкали. «Ну и пускай пасутся, — подумал я, — нам-то что?» Так я и Мите сказал.

Но ему они, видно, мешали. Поднялся он, подобрал длинную толстую хворостину и пошёл по берегу за тальник. Я ему вслед сказал с усмешкой:

— Что, рыбачок, решил полезным делом заняться? Ну иди, иди, погоняй поросят...

Не успел он за кустами скрыться, как я выволок на берег ещё одного сомёнка, крупнее первого. Он мне едва удочку не сломал. Тут подходит мой Митя, и не с пу-

стыми руками. Он тоже сомёнка притащил. Поменьше моего второго, но больше первого.

— Хорош, — говорю, — но мой лучше... А он улыбается:

— Ладно... Я сейчас побольше вашего притащу.

Я думал, что он шутит, а он появляется через несколько минут и опять с сомом в руках. Да ещё с каким! На целую голову больше моего.

Перестал я смеяться. Но тут мне снова повезло: взял я ещё одного сомёнка. Выходило, что я всё-таки остался победителем. А Митя опять хвастает.

— Разве, — говорит, — это рыбалка — по одному таскать? Я сейчас сразу двух принесу...



И что вы думаете? Пошёл и принёс сразу двух сомят.

Я посмотрел на него подозрительно.

— Где это, — спрашиваю, — ты их берёшь?

— В Амуре... Где же ещё! Ловить надо уметь...

Я стал говорить, что ловить я умею не хуже его, а лучше, что ему просто повезло, вот и всё.

— Ах, так?!. Повезло? Хорошо! А хотите, я вам сразу трёх принесу?

Пошёл и принёс трёх сомов.

Я даже ущипнул себя украдкой: может, думаю, мне всё это снится? А хитрый Митрий смеётся надо мной и отправляется за четырьмя сомами. Но тут я не выдержал и, крадучись, пошёл за ним. Удивило меня то, что за кустами никакого свиного стада не было, а чавкать кто-то продолжал. Митя мой тихонько подошёл к береговым кустам, поднял свою хворостину, — на ней уже была прилажена леска, — наживил крючок кусочком рыбы, потом приподнял удочку над кустами, прицелился, как будто хотел положить наживку прямо в пасть сому, и забросил. Я вздохнуть не успел, как над кустами взвился белобрюхий сомёнок и шлёпнулся на траву.

Не замечая меня, Митя забросил второй раз, потом третий, четвёртый... И каждый раз над кустами немедленно взлетал сомёнок. Тут я не выдержал и закричал:

— Ты что же, мошенник, делаешь? Из чужого садка рыбу ворует?

А он спокойно отвечает:

— Однако я таким делом сроду не занимался... Никакого садка тут нет. Просто Амур, как и у вас... Ловить надо уметь, дядя Андрей...

— Не верю! Так не бывает, — кричу и бегу к нему.

Оказалось, что бывает. Подошёл я к кустам, заглянул в воду, и всё стало мне ясно: в этом месте был небольшой заливчик, в него впадал ручеёк, а вытекал тот ручеёк из большого пойменного озера. Вода в реке падала, и по ручейку из озера в Амур скатывалась разная рыба молодёжь, чтобы не остаться на сухом месте. Живым потоком лилась. Но от одной беды мелочь избавлялась и тут же попадала в другую: в заливчике рыбёшку поджидала целая

дивизия прожорливых сомят. Их было так много, что передние, стоявшие у самого ручья, наевшись рыбы, не могли уйти. Их задние не пускали.

— А вы говорили, что я не рыбак, что я свиней гонять отправился... Да откуда здесь могут быть свиньи, когда ни одного домика на этом берегу на двенадцать километров вокруг нет? Вот какие здесь поросята... Это они чавкают. Я сразу понял, кто здесь «пасётся». Наблюдать надо уметь... Однако хватит им безобразничать...

Митя взял свою хворостину и принялся колотить ею по воде. Сомы бросились врассыпную.

Вот тут я и понял, почему его прозвали ребята «хитрый Митрий», а он на них не обижался. С почтением они так его называли, хотя лучше было бы назвать — смекалистый Митя или просто умный. Но это было бы не в рифму.



# НЕЖЕЛАННЫЙ ГОСТЬ

Н. ПАВЛОВА

Муравей и пчела пили воду из одной лужицы, тут они и познакомились и подружились. И неудивительно, что подружились: оба всю жизнь трудились и оба очень любили сладкое.

Но насчёт сладкого пчела была гораздо счастливее: она летала и всегда находила цветы, в которых был сладкий душистый сок. А муравей бегал по земле, цветы же расцветали высоко-высоко над его спиной, и он их не знал.

Жалко стало пчеле муравья, и она сказала:

— Я тебя угощу, мурашка! Полечу сейчас на белые цветы, на глухую крапиву, а ты что есть силы беги за мною. Я тебя подожду и окликну, ты влезешь по стеблю и наешься доотвала.

Так и сделали. Пчела потихоньку полетела, а муравей помчался по земле что было силы. Через камушки, соринки перебирается, под сухие травинки подлезает, по мелкому песочку с пригорочков скатывается, лужицы кругом обегает...

И вот прибежал он в страшное место: со всех сторон, куда ни взглянешь, торчат носом вниз длинные острые колья. И прикреплены они к толстым зелёным стволам.

Муравей остановился. Жутко ему стало. И вдруг слышит, зовёт его пчела:

— Лезь скорее наверх по этому стеблю. Это и есть глухая крапива.

— Да как я полезу, — отвечает муравей, — когда кругом острые колья? Крошечной букашечке не пробраться между ними, не то что мне, муравью.



Рис. В. КОНСТАНТИНОВА

— Прости меня, мурашка, — сказала пчела. — Я ведь знала, что у глухой крапивы на стебле такие колья, знала, да не догадалась, что у нас так получится. Но не горюй! Я полечу сейчас потихоньку на красные цветы смолки, а ты что есть силы беги за мною. У смолки стебель гладкий. Живо влезешь и наешься доотвала.

Так и сделали. Пчела потихоньку полетела, а муравей помчался что было силы. Через камушки, соринки переползает, под сухие травинки подлезает, по мелкому песочку с пригорочков скатывается, лужицы кругом обегает...

И вот прибежал он в густой лес. Кругом стоят зелёные гладкие стволы, а вверху под голубым небом алеют прекрасные цветы. Вдруг слышит, зовёт его пчела:

— Лезь скорее по этому стеблю!

Муравей и полез. Но вдруг видит — впереди, поперёк пути, липкая грязь и в ней мёртвые мошки!

Испугался муравей. Что же теперь делать? Нельзя ли обойти это опасное место? Муравей побежал по стеблю круговую. Видит, кругом всё та же вязкая грязь.

А пчела торопит:

— Лезь сюда поскорее!

«Может быть, попытаться? — подумал муравей. — Ведь я всё-таки не какая-нибудь мошка, я муравей!»

И он сунулся в грязь. Сунулся... и прилип! Тянет ноги к себе, а липкая грязь не пускает. Ой, как перепугался муравей!

— Увяз! Погибаю!

— Понатужься, — отозвалась пчела. — Упрись и тяни ноги что есть силы!

Муравей понатужился, потянул к себе ноги что было силы и... вытянул!

— Прости меня, мурашка, — сказала пчела. — Я ведь знала, что у смолки вокруг стебля липкий пояс, знала, да не догадалась, что у нас так получится! Но не горюй! Я полечу сейчас потихоньку

на жёлтые цветы собачек, а ты что есть силы беги за мною. У собачек стебель гладкий и без всяких хитростей. Живо влезешь и наешься доотвала.

Так и сделали. Пчела потихоньку полетела, а муравей помчался что было силы. Через камушки, соринки перелезает, под сухие травинки подлезает, по мелкому песочку с пригорочков скатывается, лужицы кругом обегает...

И выбежал муравей к солнечной горе. На горе стоят сизозелёные стволы, а на них длинные сизозелёные листья. Наверху жёлтые цветы, а над ними летит пчела. Увидела муравья и зовёт:

— Лезь скорее наверх по стеблю!

Муравей быстро взбежал наверх к жёлтым цветам и уселся на лист рядом с пчелой отдыхать. Смотрит на жёлтые цветы и удивляется: «Ну и цветы! Недаром их зовут собачками, собачки и есть: кверху торчат жёлтые уши, спереди морда с надутой оранжевой губой, а книзу свешивается жёлтый хвост. Как к такому страшилищу подступиться?» А пчела успокаивает:

— Я тебя научу.

Влезла на оранжевую губу, толкнулась головой в самую середину собачьей морды, она приоткрыла пасть, и пчела пролезла туда. Проглотила собачка пчелу! Только кончик брюшка да задние ноги торчали из её пасти.

Муравью стало страшно: выпустит ли страшилище его милую подругу? Но пчела хоть



и с трудом, но выкарабкалась.

— Ну, — сказала она, — теперь полезай ты.

Муравей влез на оранжевую губу, потолкался головой, но бестолку: не разинулась собачья пасть нисколечко!

Муравей чуть не заплакал. Так есть хочется, так близко еда, а вот не достанешь!

— Прости меня, мурашка, — сказала пчела. — Я ведь

знала, что у собачек цветы всегда закрыты, знала, да не догадалась, что так у нас получится.

— Я на тебя нисколечко не сержусь, — сказал муравей. — А только думается мне, неспроста так получается! Это нарочно против меня колья выставили, нарочно на стебле устроили липкий пояс, и собачий цветок нарочно закрыт. Цветам для меня капельки сладкого и то жалко!

— А ведь это ты, пожалуй, правильно догадался! — сказала пчела.

— Но почему же для тебя-то эти жадюги ничего не жалеют? — спросил муравей.

— Я для них работаю, — сказала пчела. — Видишь, я вся в цветочной пыльце. Я её переношу на своей шубке с цветка на цветок. И так надо, чтобы у цветов были семена. За это меня цветы и любят, затем и зовут в гости и угощают. Но, верь мне, мурашка, я никак не думала, что они встретят тебя так плохо!

— Ничего, — сказал муравей, — я не летаю, шубки не ношу, пыльцы таскать не умею, значит так мне и надо!

Тут друзья расстались. Пчела полетела в свой улей, а муравей побежал в свой муравейник. Возле дома он встретил братишку, который тащил огромный кусище сахара. Братишка признался, что стащил его на даче.

Тут уж муравей поел сладкого вволю! От огромного кусища осталась только половиночка. Эту половиночку муравей помог братишке дотащить до муравейника.







1954  
Всесоюзная  
Сельскохозяйственная  
Выставка.  
Павильоны:  
Земледелия, Механизации,  
Животноводства.

# Вересковый мёд

МИКОЛАС СЛУЦКИС

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

Далеко от совхоза и колхоза, у домика с соломенной крышей, где живёт лесник, вьётся дорога. Ею редко кто ездит. По одну сторону дороги торчат старые, серые телефонные столбы. На проволоках любят посидеть воробьи, трясогузки, ласточки.

Повилюкас уже не раз пробовал поговорить с детьми Залесья по проволоке. Стукнет палкой в столб, прижмётся к нему и слушает. Столб гудит, проволоки поют. Повилюкас рассказывает невидимым залесским ребятам о пойманной белке, о новой лисьей норе. Потом начинаются расспросы: как поживает пчелиный город? Много ли мёду в ульях? Там, за лесом, в совхозном саду — огромный пчельник. В лесничестве всё есть: черника, птичья гнёзда, орехи и даже вкусная заячья капуста. Только мёду ни капельки!

Однажды Повилюкас в конторе лесничества слышал, как звонил бухгалтер. Бухгалтера звали Онуте. Она сердито кричала: «Алло, алло! В конце концов бросьте трубку!» С тех пор свои разговоры по «телефону» Повилюкас всегда заканчивает словами: «Бросьте в конце концов трубку!» Но ни разу ему не ответили ни из колхоза, ни из совхоза...

Прижав ухо к гудящему столбу, Повилюкас иногда совсем серьёзно спрашивает: «Вы не видели моего брата? Может быть, он уже вернулся и сейчас у вас в колхозе?»

Но столб гудит попрежнему, а ветер печально воет в проводах.

Повилюкас ждёт не дожждётся брата. Домас — в Советской Армии. На его месте сейчас служит дедушка.

Дедушка хороший. Он знает, сколько в лесу волков, сколько лисиц. Мать тоже хорошая. Но и дедушка и мама были бы ещё лучше, если бы не давали Повилюкасу разных советов и поучений: пойдёшь к лисьей норе — заблудишься; будешь кушать калину — заболеешь; полезешь на ёлку — штаны порвёшь.

Лес большой-большой. Небо могучими кронами закрыли сосны, под соснами скучный, жёсткий вереск.

Зимой бывает так много снега, что еле-еле видно крышу сарайчика.

А Повилюкас думает о брате, о лете, о мёде...

\* \* \*

Домас вернулся весной, когда стаял снег. Он был весёлый, плечистый, говорил басом. И вытянулся в армии, словно сосенка. Так о нём дедушка сказал.

— Спасибо, поработал за меня... — благодарил он дедушку, раскладывая на столе подарки. — Теперь сможешь на солнце греться...

На следующий день Повилюкас с братом уже шли по лесу.

Повилюкас бежал первым, в кармане у него позванивали пуговицы. Эти пуговицы были необычные: со звёздами, военные. Когда Повилюкас вырастет и будет сам охранять Советскую страну от врагов, у него будет шапка со звездой и большая винтовка.

Ах, если бы показать пуговицы ребятам из Залесья!

Когда брат остановился, Повилюкас стукнул ногой в телефонный столб и запел: «А у вас нет военных пуговиц — сверкающих, красивых пуговиц!»

Странно, Домас в лесу везде видел порядок: неклеймёные пни, непрореженные поросли... Дедушка, наоборот, всё хвалил. Всем доволен был и объездчик — дедушкин начальник. Домас, наверно, потому морщится, что сержант. Сержант, должно быть, и самого лесничего важнее.

После первых дождей быстро поднялась трава. Зазеленели лесные луга, заискрились цветами. В болотах вили гнёзда пигалицы.

Солнце пекло всё больше. Лес высох. «Пуца — как порох, — беспокоился дедушка. — От искришки всё вспыхнет».

Он запряг лошадь и собрался пахать



лесные дороги: через распаханную дорогу огонь не перебрасывается.

А Домас почистил солдатские сапоги, сел на велосипед и уехал. Не успел дедушка и одной борозды вывести, как из Залесья прикатил трактор. Вскарabкавшись на берёзу, Повилюкас первым увидел его. Кубарем скатился на землю и помчался навстречу. На их лесном участке — трактор!

Огромный трактор, грохоча, переворачивал твёрдую, заросшую травой лесную землю. Хлопали, как бичи, разрывающиеся им тонкие корни. Так вспахал, так взрыхлил, — бери и сажай огурцы.

Весело стало на лесном участке!

Домас чуть ли не каждый день придумывал что-нибудь новое.

А совсем недавно в лес пришли незнакомые люди. Домас называл их связистами. Наверно, потому, что они носили при себе большие катушки проволоки и, кого хотели, того могли связать. Но на участке брата они никого не связали, только высверлили дырку в стене, провели проволоку и в углу поставили чёрный телефон. Такой, как в лесничестве.

Уходя, связисты выпили целое ведро молока.

Теперь Повилюкас поговорит с детьми Залесья.

Вся беда — мать. Повилюкаса она и близко не подпускает к телефону. И сама боится дотронуться. Как только раздаётся звонок, она вздрагивает.

«И чего она боится?» — не понимает Повилюкас. К телефону просят только Домаса: то его на собрание колхозников приглашают, то в лесничестве пожар тушить, то ещё куда-нибудь.

Ну, пусть он по телефону и не говорит. Говорит только брат. Всё равно Повилюкасу весело. Весело, как никогда.

\* \* \*

Шумели верхушки деревьев. Повилюкас не слышал, как к дому подъехал грузовик. Не проснулся он и тогда, когда фары грузовика осветили стены комнаты.

Утром, почуяв запах картофельных блинов, Повилюкас раскрыл глаза. Посмотрел в окно и удивился: поля алого вереска покрыты множеством маленьких жёлтых, зелёных и коричневых домиков. Домики расставлены один за другим, рядами. Повилюкас загнул все пальцы рук, но домиков было много больше.

Повилюкас захотел сейчас же осмотреть яркие, весёлые домики. Они так неожиданно выросли за ночь! Только вдруг кто-то, как пуля, пронёсся мимо уха.

— Пчёлы! — обрадовавшись и испугавшись, крикнул Повилюкас.

Между ульев расхаживала светловолосая девушка. Иногда она прикрывала лицо сеткой, которая была похожа на мамино решето. Увидев Повилюкаса, девушка помахала рукой и крикнула: «Не ходи!»

Домас строгал что-то во дворе.

— Откуда пчёлы прилетели? — схватил его за рукав Повилюкас. — Что они здесь будут делать?

— Надо было бы ещё дольше спать... — хитро улыбнулся Домас. — Они не прилетели: они на грузовике приехали. Сюда переселили весь совхозный пчельник... Пчёлы будут мёд собирать.

— А откуда у нас мёд? — удивился Повилюкас. Он думал, что это пчёлы ему, Повилюкасу, мёду принесли. Оказывается, у них самих мёду нет.

— Оглядишься — и увидишь... — загадочно сказал брат и начал высвистывать какую-то весёлую песенку.

Сколько Повилюкас ни поднимался на цыпочки, ни оглядывался — ни на дворе, ни на огороде, нигде не увидел и крупинки мёда.

Домас сказал:

— Плохо искал, товарищ... На вереск смотри... Там мёд!

Весь лес звенел от пчёл. Повилюкасу показалось, что он слышит запах мёда.

Не веря своим глазам, он подбежал ближе. Пчёлы то поднимались, то садились.

Так вот где спрятан мёд... В вереске! В красноватых мелких цветочках! Они рассыпаны по всему лесу.

Вот это чудеса! Всё лето по вереску бродили коровы. Вереск никому не был нужен. Ни дедушке, ни Повилюкасу, ни самому лесничему. Ведь и на подстил эти жёсткие стебли не годились. Но вот вернулся из Советской Армии брат и нашёл в этих красноватых цветочках мёд. И вздумал его собирать.

Повилюкасу казалось, что его брат всё знает, всё может сделать. И если пришли бы сюда ребята из Залесья, он бы рассказал им про брата!

— А что ты вырезаешь?

— Пчёл будем поить... Корытце делаю для пчёл...

Повилюкасу смешно: разве пчёлы пьют? Вышел дедушка, посмотрел в сторону вереска.

— Кхе, — проговорил он, — пчёлка не плохая вещь. Мёд ведь как лекарство. Только не леснику пчёл пасти.

Домас смеётся:

— Ошибаешься, дедушка... Теперь лесники другими стали и работа их другая...

А дедушка своё:

— Так ведь улы-то не твои... И не ты будешь есть вересковый мёд... Какая тебе польза?

— Раз государству польза, то и мне... — рассердился Домас. — Медоносы нынче в совхозе не уродились...

Повилюкас согласен с братом. Ведь очень интересно: в их лесу пчёлы, целый пчельник! В Залесье, наверно, ни одного улья сейчас нет. Уж кто-кто, а он-то всё равно попробует мёду.

Целыми днями он крутился у пчельника. Из ульев вылетали пчёлы. Они неслись за взятком на вереск. Потяжелевшие, с полными брюшками они возвращались в ульи. Пили воду из корытца, сделанного Домасом. Только не так, как утята и гусята. Пчёлы не поднимали голову вверх. А сосали воду, как мёд с цветочков. По вечерам дочь пчеловода Агня и Домас взвешивали ульи на больших весах, и с каждым днём ульи становились всё тяжелее.

Первой пчёлы «поцеловали» маму.

Правый глаз отёк, и мать два дня смотрела одним глазом. Ох, как она сердилась на Домаса и на пчёл! Ещё пуще рассердилась мать, когда пчела вцепилась в губу корове. Бурёнка металась, и прыгала, и мордой о землю тёрлась...

Со злости мать в тот день Агне ни кружки молока не оставила.

Повилюкас терпеливо ждал, когда придёт сам пчеловод и будет выбирать мёд из ульев. Мёд он кушал зимою, когда у него горло болело. Мёд показался Повилюкасу таким вкусным, что он согласился бы и больше поваляться в кровати.

Скоро жители лесного участка привыкли к пчёлам. Пчёлы уже не сердились, и на их гуденье никто уже не обращал внима-



ния. Только Повилюкас нетерпеливо поглядывал, не пришёл ли старый пчеловод с дымящимся горшком в руках.

Не дождавшись, решил сам набрать мёду.

Вечером, когда стемнело, Повилюкас подкрался к самому тяжёлому улью. Поднял крышку. Спящие пчёлы взметнулись, несколько вцепилось ему в голову.

Размахивая руками, Повилюкас закричал:

— Мама! Мама!

Он больше не подходил к ульям и терпеливо ждал обещанного Агней мёду.

Скоро из совхоза привезли сепаратор, и мёд жёлтой верёвочкой тёк и тёк в бидоны. Много-много душистого верескового мёду — как молока в молочной. Наверно, пчёлы высосали все цветочки! Домас крутил медовую машину, Агня меняла бидоны, старый пчеловод, отец Агни, выбирал из ульев полные соты. Повилюкас скоро наелся мёду.

Чтобы пчёлы не жалили Повилюкаса, Агня надела ему на голову сеточку. Он твёрдо решил стать пчеловодом, когда вырастет.

\* \* \*

...Разноцветные, весёлые домики уже поставлены на грузовик. Они едут домой. Пчёлы будут зимовать в совхозе, который за старыми сосняками, за пожарищами и молодыми лесочками.



Агня машет платочком, весело улыбается молодому леснику и его маленькому братику.

Повилюкасу грустно было расставаться с разноцветными домиками с мёдом, и он делал вид, что не замечает Агни.

Домас, как мог, утешал Повилюкаса:

— Не жалея мёду, Повилюкас. Бочки с нашим мёдом пойдут в далёкие города. На холодном севере люди будут кушать душистый вересковый мёд и вспоминать нас хорошими словами.

Если дело такое, Повилюкасу мёду не жалко. Пусть и другим летом приезжает Агня! Они её будут ждать вместе с Домасом...

*Перевод с литовского*

## У Т Я Т А

Е. ТРУТНЕВА

Шепчется ветер  
С высокой осокой.  
Что за семейка  
В осоке высокой?  
Пять ребятишек,  
И все — как пушинки!  
Зорко на страже  
Стоят камышинки.  
Лучше спортсменов  
Ныряют утята.  
Дел у них много  
С утра до заката.

Ловко справляются  
С тихой речонкой  
Быстрые лапки  
С тугой перепонкой.  
Ястребы, коршуны  
Мимо летят.  
Нет, никому  
Не обидеть утят!  
Если их щука  
Захочет поймать,  
Утка на страже —  
Их зоркая мать.

Дикая утка  
Их учит всему:  
Встретится враг —  
Не сдаваться ему,  
Прятаться быстро,  
Хитрить что есть мочи;  
Пищу искать  
Спозаранку до ночи.  
Ночка наступит,  
Шуршат камыши:  
«Тиш-ше... уснули  
В тиш-ши малы-ши...»



ИНДИЙСКИЕ СКАЗКИ

## РАЗГОВОРЧИВАЯ ПЕЩЕРА

Бродил-бродил голодный Лев по лесу, да так никого и не поймал. Глядь: в чаще пещера. «Не иначе, тут чья-то берлога, — думает Лев. — Заберусь-ка я сюда, отдохну, а как хозяин придёт — я его и съем!»

Вот ведь какой разбойник!

Как задумал Лев, так и сделал. Залез в пещеру, принюхался — пахнет Шакалом. Поморщился Лев. «Не больно-то вкусно шакалье мясо, — думает, — но голод не тётка, на худой конец и Шакала съем!» Залёг; блохи его кусают, а он терпит: за-таился и ждёт.

А хозяин Шакал лёгок на помине. Идёт домой знакомой тропинкой, а ухо остро держит. Вдруг видит: что такое? На тропке — львиный след! Чем ближе Шакал к пещере своей подходит, тем тише идёт. Присмотрелся: так и есть — в самую пещеру следы ведут. Туда вошли, а обратно не вышли.

Остановился Шакал.

— Эге, — говорит сам себе, — похоже, что у меня гости. Да вот беда — угощать-то мне их нечем!

Отошёл назад немного и закричал:

— Эй, пещера-а! Пещера! Добрый вечер!

Молчит пещера.

Во второй раз закричал Шакал:

— Эй, пещера-а! Ты что, оглохла? Или уговор наш забыла? Отвечай, как уговорились: добро пожаловать!

Пещера молчит.

— Видно, заблудился я, — говорит Шакал. — Ну, последний раз попробую, а там в другое место пойду!

Закричал во всю мочь:

— Эй, пещера! Последний раз говорю: добрый вечер!

Тут уж Лев не утерпел. Вскочил да как зарычит:

— Добро пожаловать!

Шакала словно ветром сдуло! Бежит прочь, усмехается, а сам и говорит:

— Много лет в этом лесу живу, много пещер видел, а такая разговорчивая первый раз попалась!





## КАК ВОРОБЕЙ С ДРУЗЬЯМИ НОСОРОГА ПОБЕДИЛ

Как это было?

А вот как. Взбесился однажды Носорог. Глаза у него кровью налились, носится по лесу, ревет что есть мочи:

— Сокрушу-у! Растопчу-у!

И верно: то дерево повалит, то нору разорит, то мышонка ни в чём не повинного задавит... Силы-то у него много, а ума ни на грош!

И надо же ему было налететь как раз на то самое дерево, где Воробей гнездо построил.

— Не тронь моё гнездо! У меня там яички лежат! — запищал Воробей.

Да где там! Бешеному Носорогу всё равно! Будто и не слышит: повалил дерево, гнездо разорил и все яички растоптал.

Заплакал бедный Воробьишка, а потом говорит:

— Ну, берегись! Я тебе отплачу!

— Это ты-то? — засмеялся Носорог. — Молчал бы уж лучше, мелюзга!

— Ладно, — чирикнул Воробей, — пожди только!

И полетел Воробьишка к своим друзьям.

А друзья у него были: Пташка-Пищуха, Мушка-Жужжалка да Лягушка-Зеленушка.

Рассказал им Воробей про свою беду.

— Другу в беде помочь надо, — сказала Пташка-Пищуха.

— Поможем! — прожужжала Мушка.

— А как же иначе? — квакнула Лягушка.

— Только как нам с ним справиться? — сказал Воробей. — Мы ведь маленькие.

— Справимся! Я хитрость знаю, — сказала Мушка-Жужжалка.

— И я хитрость знаю, — сказала Пташка-Пищуха.

— И я хитрость знаю, — сказала Лягушка. — Не беда, что мы маленькие: канат из травинок выют, а он слона держит!

Пошли они на старое место. Птица да Муха по воздуху летят, а Лягушка по земле скачет, за ними поспекает. А Носорог, видно, устал буйствовать — прилёг на солнышке.

Тут Мушка-Жужжалка свою хитрость показала: залетела к Носорогу в ухо и стала ему колыбельную песню петь.

Уснул Носорог.

Тут Пташка-Пищуха свою хитрость показала: своим острым клювом песку-пыли ему в глаза натолкала.

Вскочил Носорог: глаз открыть не может. Заревел от ярости:

— Сейчас промою глаза, я уж с вами разделаюсь!

Побежал воду искать. Вдруг слышит — где-то близко Лягушка квакает.

Известно: где лягушки, там и вода. Кинулся Носорог, дороги не разбирая, на лягушкин голос да как бухнет в яму!

А это Лягушка-Зеленушка свою хитрость показала: нарочно в яму залезла да квакала.

Вот как друзья-малыши с бешеным Носорогом справились.

*Пересказал Борис Заходер*





## ХОЗЯИН И ГОСТЬ

Китайская народная сказка

Жили на свете два приятеля. Оба любили поспать.

Вот однажды позвал один другого в гости.

Только солнце встало, собрался гость и пошёл. Смотрит — никто его не встречает. Не видать хозяина.

„Ещё спит, наверно, — думает гость. — Ну что ж, подожду“.

Сел во дворе, прислонился к стенке фанзы и сам заснул.

В это время выходит из дому хозяин. Видит — сидит его приятель на скамье и спит.

Не стал он тревожить гостя. Сел напротив и тоже захрапел.



А солнце выше поднялось, припекать стало, — проснулся гость. Смотрит — сидит перед ним хозяин и спит.

Не будить же хозяина! Гость опять уснул. Идёт время. Солнце пониже спустилось, прямо в глаза хозяину заглянуло. Проснулся хозяин. Видит — спит его гость.

„Верно, не просыпался ещё“, — думает хозяин.

Подумал так и снова закрыл глаза.

Холодней стало. Ветерок подул.

Просыпается гость. Смотрит — солнце за гору закатилось. А хозяин спит крепче прежнего.

Встал гость с места. На цыпочках со двора вышел и побрёл потихоньку к себе домой.

А в небо уже луна выплыла.

Тут проснулся хозяин. Видит — нет гостя.

«Наверно, домой пошёл. Ну что ж, и я пойду. Уже ночь на дворе — спать пора», — подумал он и пошёл к себе в фанзу.

Перевёл и обработал  
В. Туркин



# Странности

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

## РАЗГОВОР С МАМОЙ

Сын зовёт: — Агу, агу, —  
Мол, побудь со мною!  
А в ответ: — Я не могу,  
Я посуду мою.

Но опять: — Агу, агу, —  
Слышно с новой силой.  
И в ответ: — Бегу, бегу,  
Не сердись, мой милый!

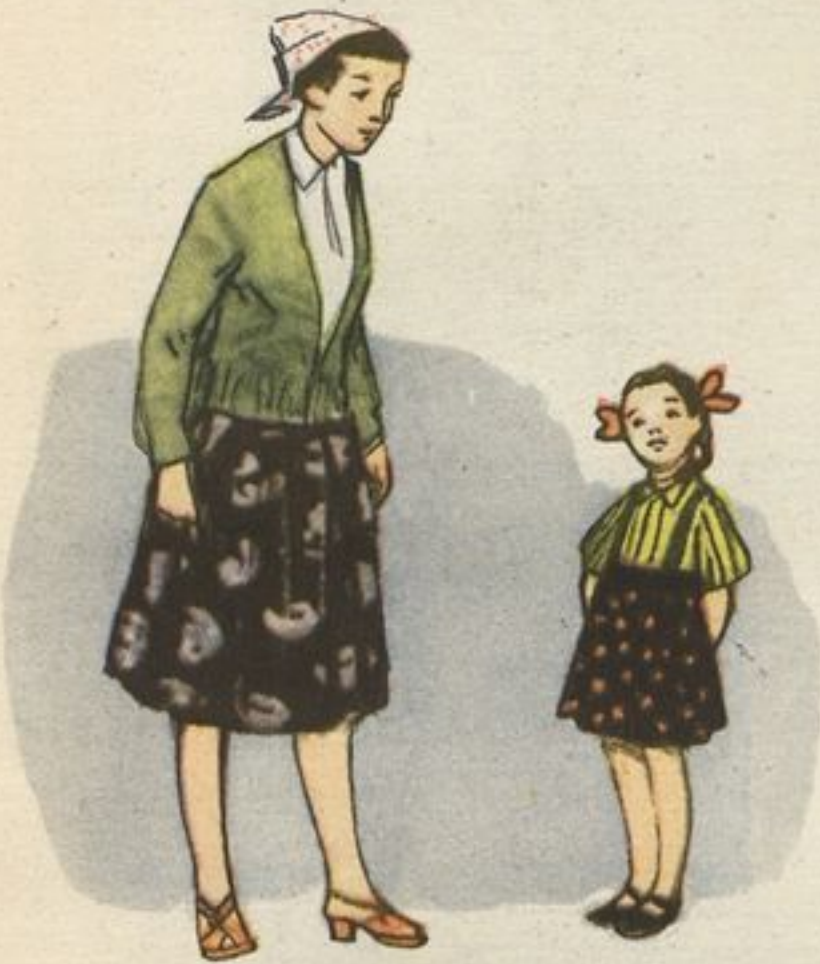
А. БАРТО

## ЧТО ЗА ГРОХОТ?

Из латышских народных песен

Что за грохот? Что за стук?  
Сел комар в лесу на сук.  
Треснул сук под комаром.  
Вот откуда стук и гром.

С. МАРШАК



## РАЗВЕДЧИЦА

— Мамочка, если бы твоя любимая чашка разбилась, ты бы очень расстроилась?

— Наверно, расстроилась бы. А почему ты спрашиваешь?

— А меня Вовка на разведку прислал.



## ВОТ ТАК МУХА!



Я вам расскажу про муху... Нет, даже про двух мух! Одна из них обыкновенная муха, а другая — маленькая собачка, которую мы назвали Мухой за малый рост и коричневый цвет: есть такие малюсенькие коричневые мушки.

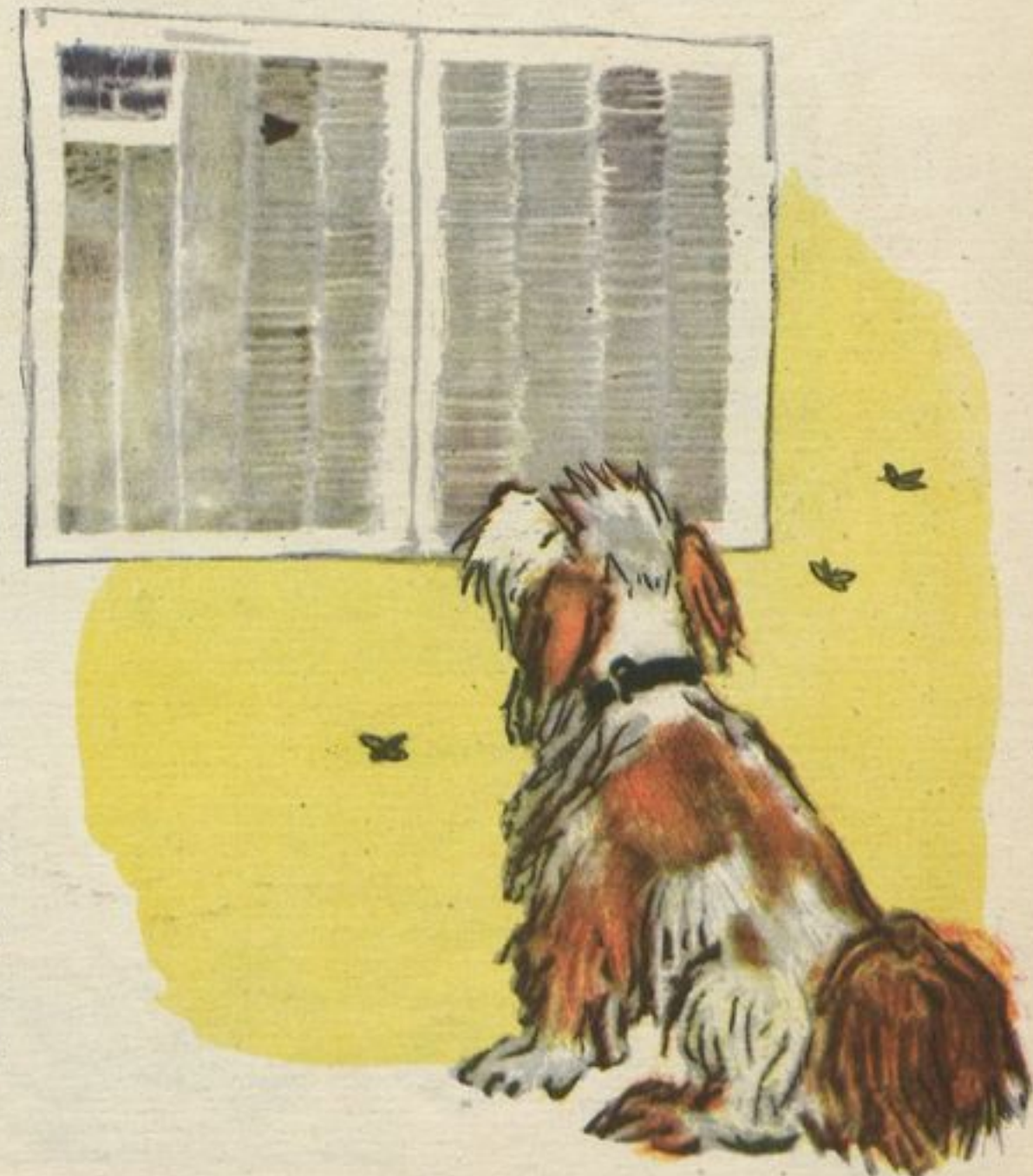
Однажды мы увидели странную вещь. Входим мы в комнату и видим, что Муха читает. На стене девочки повесили „Режим дня“. Муха сидит перед плакатом и медленно поворачивает голову слева направо.

— Смотрите, она читает! — удивились девочки.

Тихонько, шикая друг на друга, мы подошли поближе. Оказалось, что по плакату ползала муха. Это, следя за ней, наша Муха поворачивала голову, точь-в-точь как будто читает!

А потом получилось вот что. Муха стала очень быстро расти. Она превратилась в огромную дворнягу. Когда мы её зовём: „Муха, Муха“, то прибегают кудлатый пёс, и все смеются: „Вот так муха!“

ОЛЬГА ОБРАЗЦОВА



## В ОДНОМ ЛАГЕРЕ



— Ребята! Что тут происходит?

— У нас сегодня соревнование за чистоту в спальне.

— Почему же вы так кричите?

— А по тишине мы вчера соревновались.



В „живом“ уголке.



— Вова, пойдём в огород работать.

— Вот ещё! Я приехал отдыхать.

### ХИТРЫЙ ТИМКА

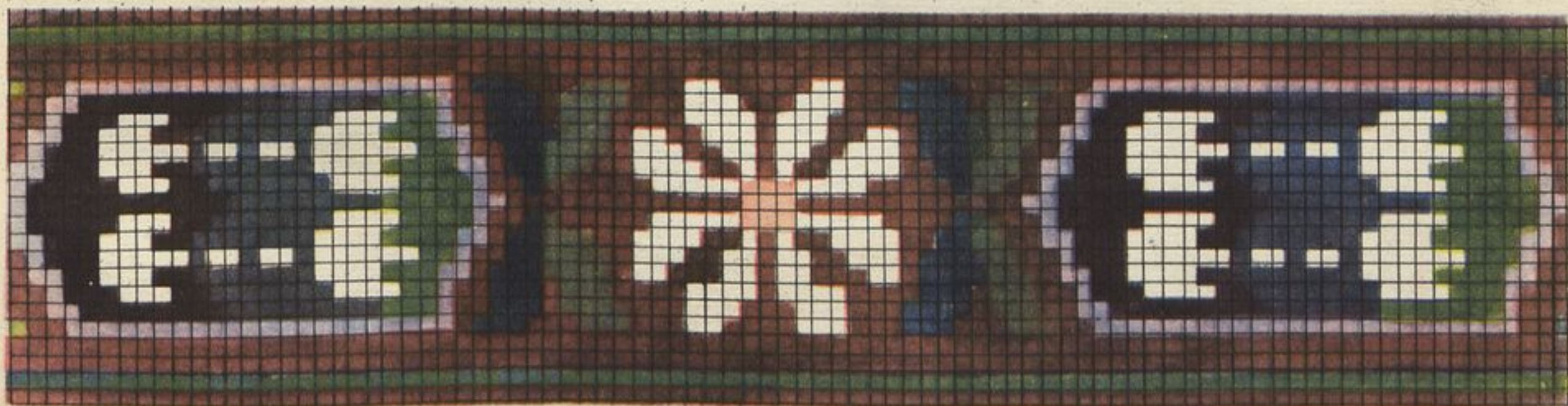
Сдвиньте буквы на картинке  
И узнаете тогда,  
Из чего была  
Для Тимки  
Приготовлена еда.

Рис. В. АНДРИЕВИЧА.





Рис. А. КОРОВИНОЙ



РИСУНКИ ДЛЯ ВЫШИВАНИЯ ДВОЙНЫМ КРЕСТОМ

Обложка А. Пластова

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, Е. МАРТЬЯНОВА, Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Художественный редактор О. Камкин

Рукописи не возвращаются

Технический редактор А. Бодров

Год издания тридцатый

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, А-55, Суцёвская ул., 21.

Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06.

А05613

Подп. к печ. 6/VI 1954 г.

2,8 уч.-изд. л.

Бумага 60×92<sup>1</sup>/<sub>2</sub>=1,5 бум. л.=3 печ. л.

Тираж 600 000 экз.

Заказ 1419

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Суцёвская, 21.

9893

